

люди искусства

В С Л Е Д ЗА МЕЧТОЙ

Т. АБАКУМОВСКАЯ

Девушка переступила порог. Словно прыгнула в пропасть. Паркет закачался под ногами. Донесся спокойный, сочувствующий голос: «Ну, что же вы нам покажете?».

Отчаянно захотелось броситься за двери этой огромной комнаты, туда, где осталось привычное, знакомое. Тихие Новоселки, притулившиеся у леса, что подступил к прозрачному стеклу Нарочи, школа и школьные вечера, на которых Марийка была «первой артисткой». Там, на маленькой сцене, родилась мечта — театр. Против родительской воли поехала в город, в Белорусский театрально-художественный институт. И теперь стоит вот здесь, посреди огромной комнаты. А тихий голос повторяет: «Так что же вы нам покажете?...»

Кое-как прочитала басню. Чувствовала — не то. Но вот полились знакомые, милые сердцу строфы Максима Танка о родной земле, о ясноокой Нарочи. Сразу стало спокойнее, увереннее.

Мария Захаревич поступила в театральный институт. И первые же дни занятий показали, что работа будущих служителей Мельпомены ничуть не легче хлеборобской работы. Она требует полной отдачи сил. Сцена не прощает лени, душевной скупоности. Это сразу поняла Мария и приняла как аксиому, как нерушимое правило жизни. И даже ее суровые родители, которые всю жизнь были заняты нелегким трудом хлебороба, не раз и не два приехав проводить непокорную дочь, поняли, как сложен путь к сцене.

Первая встреча со зрителем произошла у Маши Захаревич пятнадцать лет назад, когда была она еще студенткой последнего курса института. В спектакле Театра им. Я. Купалы «Пока вы молоды» по пьесе И. Мележа она играла Галю Журавко. Казалось, все выверено, каждая мизансцена знакома до мелочей. И вот Мария — Галя Журавко выбегает на сцену с радостным:

— Хлопчики-и-и!

Но что это?! Знакомое вдруг стало незнакомым. Самое страшное — она никого не видит, только белый пронзительный свет софитов и темную бездну зрительного зала. Вот-вот случится катастрофа. Усилием воли заставила себя произнести первые реплики. Партнеры почувствовали растерянность дебютантки, старались помочь. А ей казалось — все, провал. Но вдруг она услышала зал, он словно ожил, отозвался теплым, доверчивым шепотом. Молодая актриса впервые почувствовала эту огромную силу — контакт со зрителем, его интерес, его помощь.

Актерская ее судьба, казалось бы, складывалась счастливо. Роль за ролью, замечательные партнеры, отличные режиссеры. Но незаметно подкрадывалась беда. Шли годы, а Мария все так и играла «голубых» героинь, творческие возможности оставались нераскрытыми, и блекли яркие краски неповторимой некогда палитры. Непосредственность — да! Полная органника — конечно. Обаятельная женственность — тоже. Ну, а что же дальше? Актриса билась в рамках привычного амплуа, тщетно ждала неожиданной, незнакомой роли.

Мне думается, что ролью, которая повернула творческую судьбу актрисы, стала

Зося Савич в «Сердце на ладони» И. Шамякина. Мария Захаревич была назначена в дублирующий состав. Но первые же показы выявили столь незаурядное решение, что роль стала одной из лучших в творческой биографии актрисы.

И уже настоящим «взрывом» была Лиза Хренова в «Традиционном сборе» В. Розова. Когда в коротком эпизоде появляется ее героиня — скромная работница сберегательной кассы где-то на Севере, просто теряешься: неужели эта несуразная с короткими прямыми волосами и подслеповатыми глазками девушка — красавица Мария Захаревич?! Но внешняя характерность не главное для актрисы. Она помогает ей подчеркнуть внутреннее обаяние Лизы, ее стремление к счастью и право на него.

А потом была Дашенька в «Золотой карете», по-леоновски сочная, широкая, щедрая. И сравнительно недавняя работа — Варвара в «Грозе» А. Н. Островского.

Роли, роли, роли... Были взлеты и падения, как бывает всегда, когда выбираешь непроторенные пути.

Случилось так, что известие о присвоении Марии Георгиевны Захаревич звания народной артистки республики пришло в канун 60-летия Октября, в день премьеры «Оптимистической трагедии», когда актриса впервые должна была выйти в роли Комиссара. О чем думала, что ощущала она в этот день?

— Для меня героиня Вишневского — живой, знакомый человек. Таких женщин я знала по рассказам матери. Они работали в коммунистическом подполье бывшей Западной Белоруссии и потом, возвратившись из партизанских отрядов, «мотались» по деревням, восстанавливая Советскую власть в наших краях, организуя колхозы. Этих женщин очень уважали на селе.

Пользуясь случаем, я задала Марии Захаревич вопрос о самой любимой ее роли. Говоря по правде, мне казалось, что назовет она Комиссара, Зосю Савич или Ганну Чернушку в «Людах на болоте» И. Мележа.

Ответ оказался неожиданным:

— Не было у меня самых и не самых любимых. Роли, как дети, — все самые любимые. Мы, актеры, кроме удач и неудач, в работе переживаем немало драматических минут из-за этой любви к роли. Мы ревнуем, да, да, ревнуем, когда твою роль играет другой исполнитель. Мы не спим ночами, когда узнаем, что спектакль сходит с репертуара и настает пора расставаться с ролью. Ведь это как прощание с любимым человеком. Вот если бы вы спросили о любимой, несыгранной роли, то я назвала бы вам... Ах, как много бы я могла назвать ролей, о которых мечтала, но уже, видимо, никогда не сыграю. Во всяком случае я всегда внутренне готовлюсь к новой роли, думаю о ней. Пусть даже мечта не осуществится, но такая духовная работа необходима каждому актеру. Я мечтаю сыграть вместе с сыном. Сейчас он студент театрально-художественного института. Вот и выходит — я, сельская девчонка, стала родоначальницей актерской династии.

МИНСК.

● Народная артистка БССР

М. Захаревич.

Фото В. Крука.